

ВАЛЕРИЙ ГРИШКО: ЭТОТ ТЕАТР ЗАПОЛНИЛ ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ

Самарский академический театр драмы им. М. Горького — один из старейших волжских театров, являющийся ровесником Самарской губернии. Этот театр не спутаешь ни с каким другим: являясь частью красивейшей городской панорамы, его красно-белый терем романтично и гордо возвышается над Волгой и старинным Струковским садом. Если вы остановитесь возле театра, то увидите противоположный берег Волги, за ним — Жигули, а за ними — уходящий вдаль горизонт. И лучшего пейзажа вы не сыщете во всей России. Много лет в театре продолжалась «эпоха Петра Монастырского», руководившего им с 1959 до 1995 года. После чего сюда пришел Вячеслав Гвоздков, человек широких взглядов, кипучий и экспансивный, непрерывно устремленный вперед, создавший театр разнообразной палитры, от социального гротеска до тончайшей лирики. Его идея «Открытого театра» с приглашениями самых разных постановщиков, композиторов и художников осуществляла идею «вечного движения», противостоящую застою. И теперь, после ухода из жизни Гвоздкова, художественное руководство театром принял его соратник и единомышленник **Валерий Гришко**, с которым мы и поговорили о нынешнем дне Самарской драмы.

Валерий Гришко

– *Валерий Викторович, сколько лет вы уже работаете в Самарском театре драмы?*

– В этом году у меня сплошные юбилеи: исполнилось 40 лет моей профессиональной деятельности, а 15 лет назад я поставил в Самаре свой первый спектакль «Амадеус» и уже десять лет работаю здесь в должности главного режиссера. А сейчас, после смерти Вячеслава Гвоздкова, я принял театр в роли художественного руководителя. Главным же режиссером у нас стал теперь совсем молодой Михаил Лебедев.

– *Сколько лет вы проработали с Вячеславом Гвоздковым и как вам работалось вместе? Вы всегда казались мне очень гармоничной творческой парой.*

– У нас с Гвоздковым были абсолютно разные темпераменты – у него горячий и взрывной, а у меня спокойный и ровный. Как говорится у Пушкина: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень». Так сошлись и мы, а в острых ситуациях я уравнивал его буйный характер и остужал его горячие порывы своим более невозмутимым нравом. Нам всегда завидовали наши однокурсники и коллеги, этому прекрасному умению работать плечом к плечу. Ведь, как говорил Гвоздков, «режиссер – это всегда одинокий волк». А у нас получилась пара волков. Это неслучайно: мы ведь учились на одном курсе ЛГИТМИКа у Товстоногова, выпустившись в 1979 году. Лет на десять наши пути разошлись – а потом сошлись, когда он пригласил меня на постановку в Ташкент (в то время я работал в Ленинграде в Театре им. В. Комиссаржевской). Это был тот период, когда Гвоздков уже собирался уходить в Театр Ленинского комсомола. Потом он работал в Петербурге. Кстати, уже работая в Самаре, я какое-то время ставил спектакли в Театре им. В. Комиссаржевской, но теперь уже целиком посвятил себя самарскому театру. Вот, кстати, меня зовут сейчас в Иркутский театр на постановку, и мне очень хотелось бы поехать, тем более, что я никогда не видел Байкала...

А Гвоздков пригласил меня в Самару в конце прошлого тысячелетия, в 1998–1999 годах – посмотреть здешние спектакли и поговорить о сотрудничестве. Мне очень понравился театр, вся труппа и здешние постановки, необычайно интересные. Мы уже начали сговариваться о моей дальнейшей работе, но тут меня пригласили в Германию на должность главного режиссера в местный театр, где я до этого ставил спектакли, и начался мой роман с Германией, который длился два года. Потом я снова вернулся в Театр им. В. Комиссаржевской, а позже, в 2003 году, Гвоздков пригласил меня на постановку «Амадеуса», который стал моим первым спектаклем на самарской сцене. И потом на протяжении пяти лет я ежегодно приезжал сюда ставить спектакли. В 2008 году начался кризис, было указание сокращать все незанятые ставки в театре, а тут как раз не занята была ставка главрежа. Так я стал главным режиссером Самарского театра драмы.

Обычно романы худрука и главного – это недолго длящиеся романы, а у нас он продолжался до последнего дня жизни Вячеслава. У нас ведь была одна школа, один взгляд на искусство и одна любовь к актерскому театру, где на первом плане актер и его великое искусство. Ведь зритель приходит в театр именно для того, чтобы посмотреть на актера и получить от него удовольствие, и никакие изыски режиссуры этого не заменят. Да, у нас с Гвоздковым была огромная степень доверия друг к другу. Так 1 января 2009 года я стал главным режиссером в Самарской драме, продолжая ставить спектакли и в Петербурге. И перед этим театр набрал актерский курс на базе Санкт-Петербургской академии; работа с молодежью меня увлекала, я ведь и до этого работал со студентами. Так мы сделали студенческие спектакли «Божьи коровки возвращаются на землю», «Нашу кухню» и другие.

Валерий Гришко и Вячеслав Гвоздков

В итоге Самарский театр заполнил всю мою жизнь и мое время.

Так бы все шло и дальше, если бы 21 января 2018 года Вячеслав Гвоздков не ушел из жизни. Именно в тот вечер на сцене театра шел его спектакль «Побег из Шоушенка», и актеры ничего не знали, а узнали обо всем лишь вместе с публикой, когда на сцене объявили о его смерти.

С этого момента началась другая жизнь, теперь на мне весь театр. А Михаил Лебедев, тоже петербуржец, занял сейчас в театре ту позицию, что я занимал когда-то. Его пригласил сам Гвоздков, его первым спектаклем была «Роковая ошибка», имевшая большой успех в городе, а теперь он поставил спектакль по В. Шукшину «Вот так и живем».

— У вас вообще в театре много лет работает постоянный «ленинградский десант»!

— А питерская школа — это особая школа! Для нас, питерских режиссеров, всегда определяла путь личность Георг

гия Александровича Товстоногова...

Последний же спектакль Гвоздкова — «Касатка», который он сделал в конце 2017 года. Еще он мечтал вновь поставить «Старый дом» А. Казанцева. Когда-то он одним из первых поставил его в Кирове. А теперь вместе с художником Станиславом Бенедиктовым решил вернуться к этой пьесе. После его смерти пришлось спектакль по его замыслу выпускать мне. Так «Старым домом» замкнулся его режиссерский путь — начав с него, он стал признанным режиссером, и к нему же вернулся в финале.

После ухода Гвоздкова мы выпустили уже шесть спектаклей на большой сцене, проделав очень серьезную работу. Я поставил «Корсиканку» и «Лев зимой», посвященный юбилею Владимира Борисова. Миша Лебедев — «Роковую ошибку» и спектакль по Шукшину. Мюзикл «Барышня-крестьянка» поставил Сергей Грицай, «Моего бедного Марата» — Тей-

мураз Эсадзе. И вот сейчас, к закрытию сезона, мы подготовили чеховских «Трех сестер» в постановке Теймураза Эсадзе.

— *В Самарской драме ведь практически никогда не ставился Чехов...*

— Как-то один американский режиссер, Адриан Джурджа, поставил у нас «Вишневым сад», весьма неудачно, и шел он недолго. А вот «Три сестры» обещают быть очень достойной работой.

— *Вы полюбили за все это время Самару?*

— Для меня Самара — это мой театр и спектакли, которые я ставлю. И еще съемная квартира, куда я прихожу вечером спать.

— *А Волга?*

— Волга — конечно! Но для меня Волга — это и Самара, и Ульяновск, и Ярославль, и Кинешма — и пусть Самара себе одной ее не приписывает. Ну конечно, покататься на катере по Волге — это прекрасно. Вот, например, в конце сезона мы устраиваем пикники на волжских островах.

— *Вы не рыбак?*

— Нет. А вот Гвоздков был рыбак, и к тому же прекрасный кулинар.

— *А как дальше будет развиваться ваш театр?*

— Скоро в городе состоится большой круглый стол с привлечением общественности по поводу реконструкции театра драмы. В связи в этом планируется строительство филиала театра в Струковском саду, где мы будем размещаться на время реконструкции.

— *Какое вообще идейный курс вашего театра?*

— Наша тенденция с Вячеславом Гвоздковым была общей — это русский психологический театр. Мы никогда не клевали на западную стилистику и на авангард. Как говорил Гвоздков: «Мы с тобой, Валера, последние пограничники!» То, чем ценен русский театр — это именно актерский театр.

— *А если к вам будет вторгаться новая режиссерская молодежь с авангардными настроениями?*

— Вот как раз у нас и появится новое здание для всевозможных экспериментов. На двух площадках можно подолгу играть весь репертуар, продлевая жизнь своих старых спектаклей. Ну а я, как старый мухомор, буду работать в своем прежнем здании и продолжать делать русский психологический театр.

— *Все знают вас как прекрасного киноактера, расскажите о своих киноролях.*

— Наиболее известные — это маршал Жуков в фильме Карена Шахназарова «Белый тигр», Сталин в немецком фильме Леандра Хаусмана «Отель Люкс», Патриарх Никон в сериале Николая Досталья «Раскол», Архиерей в фильме Андрея Звягинцева «Левиафан», сыграл я многих военных в наших сериалах, а в фильме Теймураза Эсадзе «Две зимы и три лета» играл Ставрова-старшего.

— *Вы, с вашей роскошной актерской и целовещеской фактурой, очень интересны на экранные. Где же лежит ваша душа — в театре или в кино?*

— В этом смысле я двоеженец — одинаково люблю и то, и другое. В кино я отдыхаю от бремени театральной режиссерской работы, где ты все сам должен контролировать и за все отвечать — за реквизит, декорации, костюмы, свет, труппу. А в кино — у тебя только роль, на которой ты можешь сполна сосредоточиться. В кино я пришел довольно поздно, в 50 лет, когда меня пригласил сниматься режиссер Александр Орлов в свой фильм «Любовь императора». С тех пор и началась моя кинобиография, в которой очень пригодилась школа актерского мастерства на режиссерском факультете у Товстоногова.

Беседу вела Ольга ИГНАТЮК